

О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ НОВОГО ЗАРУБЕЖЬЯ¹

© 2012 г. Т. Б. Крючкова

После распада Советского Союза значительная часть русскоязычного населения этого государства оказалась не в России, а в зарубежных странах, в которых русский язык получил неодинаковый юридический и фактический статус. Последние 20 лет его развитие в этих странах происходило в условиях, отличных от России. Однако функционирующие в государствах нового зарубежья варианты русского языка пока не обладают признаками, которыми характеризуются национальные варианты языка. По ряду причин их нельзя отнести и к островным языкам. По многим лингвистическим и социолингвистическим параметрам они являются региолектами русского языка. Но поскольку рассматриваемые варианты функционируют в независимых государствах, этот термин не совсем корректен, поэтому их предлагается именовать статолектами.

After the collapse of the Soviet Union a great many Russian people found themselves not in Russia, but abroad, where the Russian language received different legal and actual status. Within the recent 20 years, the Russian language in independent countries has been developing under foreign conditions. However, the Russian language variants functioning in the near abroad still lack characteristic pertaining to national variants of the language. For a number of reasons, these variants cannot be referred to as “insular languages”, either. According to their multiple linguistic and sociolinguistic parameters, they might be described as “regiolects” of the Russian language. On the other hand, since these variants function in independent states, the latter term is not fully appropriate, and we suggest using the term “statolects”.

Ключевые слова: русский язык, страны нового зарубежья, национальные варианты языка, социолингвистический статус, региолект, статолект.

Key words: Russian language, former Soviet republics, national variants of the language, sociolinguistic status, regiolect, statolect.

После распада Советского Союза значительная часть русскоязычного населения этого государства оказалась не в России, а в зарубежных странах, в которых русский язык получил неодинаковый юридический и фактический статус. До недавнего времени эта ситуация привлекала внимание ученых, прежде всего, в плане изучения объема функционирования русского языка в новых независимых государствах, соотношения использования титульных и русского языков в различных коммуникативных сферах и т.п. Но вот с момента образования на постсоветском пространстве независимых государств прошло 20 лет. Естественно, что развитие русского языка в них происходило в условиях, отличных от России. Безусловно, с точки зрения истории языка это чрезвычайно короткий срок. Но он насыщен такими значимыми и драматическими событиями, что это не могло не найти своего отражения в языке. И в последние годы появляется все больше

публикаций, в которых обсуждаются проблемы вариативности русского языка на постсоветском пространстве. С одной стороны, авторы описывают изменения, которые происходят в системе русского языка, прежде всего, лексико-семантической, на Украине, в Белоруссии, Казахстане и т.д. С другой, – задаются вопросом, как квалифицировать варианты русского языка в этих странах? Одни ученые полагают, что речь уже может идти о национальных вариантах русского языка, например, украинском [1] или казахстанском [2]. Более того, А.Н. Рудяков, например, считает, что феномен, именуемый украинским вариантом русского языка, – это “один из самых значительных продуктов независимости Украины” [3]. Другие исследователи прибегают к более осторожным формулировкам, предпочитая говорить о формировании особых этноязыковых субкультур [4].

Прежде чем обсуждать перечисленные точки зрения, попытаемся сделать некоторые терминологические уточнения. Проблема национальных вариантов языка достаточно полно исследована российскими учеными применительно к таким

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-04-00226а “Язык и социальные катаклизмы” (руководитель Т.Б. Крючкова).

языкам, как немецкий [5], английский [6], испанский [7], французский [8] и другим. Привлекала она внимание и зарубежных языковедов [9; 10]. В этой сфере достаточно четко дифференцируются два термина – *национальный вариант литературного языка* и *национальный вариант языка*. Под *национальным вариантом литературного языка* понимается “форма адаптации единого литературного языка к условиям, потребностям и традициям наций – носителей данного языка” [11, с. 321]. “Для понятия варианта (в отличие от территориального диалекта), – подчеркивает А.Д. Швейцер, – определяющим признаком является наличие территориальных вариаций литературных норм, и, следовательно, наиболее существенные различительные черты сопоставляемых вариантов... могут быть выявлены в рамках нормированного литературного языка” [6, с. 5]. При этом, хотя литературно-разговорные формы такого языка имеют более заметную национальную окрашенность, чем книжно-письменные, поскольку это связано с различиями в тех областных и городских койне, которые их окружают и питают, в первую очередь необходимо учитывать именно состояние письменной формы литературного языка, основывающейся главным образом на установленной норме [5, с. 47].

Под *национальным вариантом языка* понимается совокупность форм существования языка, в рамках которой реализуются речевые потребности данного социума (национального сообщества) во всех жизненных ситуациях. В этом отношении национальный вариант ничем не отличается от отдельного национального языка, который, как известно, помимо литературного языка включает в себя территориальные диалекты, обиходно-разговорные формы языка и др. [11, с. 325; 6, с. 19]. Таким образом, термины *национальный вариант литературного языка* и *национальный вариант языка* соотносятся как часть и целое. Языки, функционирующие в форме национальных вариантов, принято называть *полинациональными языками*.

Если обобщить высказывания перечисленных и некоторых других авторов по поводу основных характеристик национальных вариантов языка, то можно предложить следующую формулировку. Национальные варианты языка – это варианты языка, представленные в разных государственных образованиях, которые: 1) имеют юридический статус государственного, официального и т.п. языка; 2) выполняют широкий объем общественных функций, включая наиболее социально значимые – сфера административной и государственной деятельности, образования и т.п.; 3) являются родными языками для определенной

части населения; 4) осознаются носителями как самостоятельные идиомы; 5) имеют собственную кодифицированную норму.

Только наличие этих пяти признаков является необходимым и достаточным условием для квалификации того или иного идиома в качестве *национального варианта языка*, если употреблять этот термин в том смысле, в котором он был предложен разработчиками концепции национальных вариантов языка.

Следует отметить, что сторонники существования национальных вариантов русского языка на постсоветском пространстве, обосновывая свою позицию, чаще всего указывают на языковые явления, присутствующие в русском языке на Украине, в Белоруссии и т.д., но не характерные для русского языка в России. В этой связи, видимо, странным выглядит отсутствие в приведенном списке пункта, в котором оговаривается количество структурных различий, необходимых для квалификации идиомов в качестве национальных вариантов языка. Этот вопрос является сложным и в такой постановке вряд ли разрешимым. Многие исследователи полагают, что невозможно определить критерии объема тех различий, которые позволяют говорить о существовании варианта данной системы, и установить, где тот порог варьирования, далее которого варьирование становится другой нормой и тем самым соотносено уже с системой другого литературного языка [5, с. 47; 12, с. 541]. Далеко не всегда специфические черты полинациональных языков проявляются рельефно и имеют заметный отличительный характер. Обращая внимание на это обстоятельство, шведский германист С.Г. Андерсон подчеркивал, что имеется целая шкала таких возможностей, один конец которой равен почти нулю, т.е. между отдельными разновидностями одного языка почти нет различий, а другой конец этой шкалы обозначает наличие вполне сформировавшихся национально специфических вариантов данного литературного языка. В этом смысле французский язык в европейских странах представляет собой первый случай (т.е. количество различий весьма невелико. – Т.К.), тогда как американская и британская разновидности являются полноразвитыми вариантами английского языка и оказываются тем самым на противоположном конце шкалы, как бы замыкая классификационный ряд языков по степени развития в них специфических национальных черт [13, с. 259]. Здесь можно провести определенную параллель с разграничением самостоятельного языка и диалекта или отнесением диалекта к одному или другому языку. Большинство специалистов сходятся в настоящее время

в том, что решающую роль при решении таких вопросов играют отнюдь не лингвистические факторы, а самосознание носителей идиомы [14; 15]. По отношению к национальным вариантам литературного языка аналогичную точку зрения достаточно эксплицитно формулирует А.И. Домашнев: “Не обнаруживая резких структурных расхождений, – пишет он, – национальные формы литературного языка приобретают автономию, которая осознается и поддерживается их носителями. Из этого, прежде всего, следует, что национальный вариант – это не только языковое, но и языково-социологическое явление и для выделения этого понятия необходимы факторы не только лингвистические, но и экстралингвистические” [16, с. 860]. “Следует также добавить, – отмечает тот же автор, – что сколь бы малыми не были различия в вариантах тех или иных языков, они приобретали и могут приобретать престиж национальных форм речи, становясь и средством национальной идентификации, что хорошо известно любому постороннему наблюдателю, не говоря уже о лингвистах, изучающих или исследующих полинациональные литературные языки” [17, с. 867]. В связи со сказанным нам представляется, что верно и суждение, согласно которому наличие даже значительных структурных расхождений между вариантами языка, не подкрепленное осознанием автономности этих вариантов их носителями, не позволяет идентифицировать эти варианты как национальные варианты языка.

Посмотрим, соответствуют ли перечисленным выше пяти требованиям варианты русского языка, функционирующие на постсоветском пространстве. В настоящее время официально закрепленный статус русский язык имеет только в Белоруссии, Казахстане и Киргизии. Очевидно, что вопрос о существовании национальных вариантов русского языка логично обсуждать лишь применительно к этим странам². Надо сказать, что языковая ситуация в каждой из этих стран имеет свою специфику, которая существенно влияет на социолингвистическую квалификацию представленных в них вариантов русского языка. Поэтому остановимся на каждой стране отдельно.

Белоруссия. По данным Переписи населения 2009 г. русские составляют 8,3% населения стра-

ны. За последние 10 лет их количество сократилось на 3%. Белорусы составляют 83,3%, причем около 80% из них считают родным языком белорусский. 78,4% населения страны активно владеют русским языком [20]. Законодательными актами 1994 г. и 1998 г. русский язык наряду с белорусским признан государственным языком страны. По мнению белорусских лингвистов и социологов, во всех сферах регламентированного и нерегламентированного общения в Белоруссии доминирует русский язык [21]. Так, по данным общенационального социологического опроса, проведенного в 2009 г., 72% респондентов заявили, что основным языком, который они используют в повседневной жизни, является русский. На вопрос, “какой язык является для Вас ближе, роднее”, 69,5% опрошенных ответили “русский” [22]. По мнению исследователей, это доказывает, что у белорусского языка на первый план выходит этническая, символическая (быть национальным символом, консолидировать народ), а не коммуникативная функция [21, с. 311]. Русские не испытывают в стране никакой дискриминации, все население приобщено к российским средствам массовой информации. Контакты с Россией носят очень интенсивный характер. В этой ситуации маловероятно, что русские в Белоруссии ощущают свою “особость” по сравнению с русскими, проживающими в России. Что касается структурных особенностей русского языка в Белоруссии, то, с одной стороны, в нем во многом происходят те же изменения, что и в русском языке в России. Основную роль здесь играют СМИ. И, тем не менее, в целом русский язык в Белоруссии более консервативен, однороден, чем в России. Для него характерна меньшая скорость распространения языковых нововведений, большая устойчивость к иноязычному влиянию. Это, по мнению исследователей, связано с ментальностью нации, которая сама по себе достаточно консервативна [21, с. 310]. Нам представляется, что это проявление общей тенденции распространения языковых инноваций от центра к периферии, которая была характерна и для советского периода. С другой стороны, на русский язык оказывает влияние контактирование с белорусским языком. Часто нарушение норм русского языка, например, на произносительном уровне обусловлено расширением возможностей выбора варианта [21, 310]. По мнению Б.Ю. Нормана, в Белоруссии “складывается своя совокупность лексических ассоциаций, по сути – своя организация лексической системы (по сравнению с русским языком метрополии)” [23, с. 114]. В целом пока существующий вариант русского языка в Белоруссии языковеды

²На это обстоятельство уже указывали исследователи во время довольно жарких дискуссий о социолингвистическом статусе русского языка на Украине [18; 19]. Однако сторонники существования национальных вариантов русского языка во всех (или большинстве) странах нового зарубежья его упорно игнорируют.

этой страны квалифицируют как *региональный вариант*, но не исключают, что в будущем он может превратиться в национальный вариант русского языка [23, с. 115]. Надо сказать, что даже сторонники концепции существования национальных вариантов русского языка в странах нового зарубежья отмечают, “что формирование этого варианта в Белоруссии нельзя признать активным” [24, с. 240].

Казахстан. По данным Переписи населения 1999 г. русские в Казахстане составляли 30% населения. В настоящее время эта цифра снизилась до 26,1% (по данным государственной статистики Республики Казахстан). Согласно официальным данным в 2001 г. 14,9% русских владели казахским языком [25]. Но по экспертным оценкам 2000 г. на казахском языке могли изъясняться не более 1% русских, причем это были, в основном, жители сельских районов, которые овладели казахским языком в результате контактного двуязычия [26]. Можно предположить, что за истекшие 10 лет количество русских, владеющих казахским языком, увеличилось, но вряд ли кардинально: 66,2% населения страны свободно владеет русским языком [20]. Закон о языке, принятый в 1989 г., утвердил казахский язык в качестве государственного, а русский – в качестве языка межнационального общения, который может употребляться наравне с государственным языком. Русский язык широко функционирует в различных коммуникативных сферах, имеет высокий социальный престиж, не испытывает очевидного давления со стороны государственных структур. Это дает основание для довольно радужных оценок положения русского языка в этой стране не только со стороны политиков, но и со стороны лингвистов [2; 27]. Но Е.Г. Свинчукова в своем исследовании доказательно утверждает, что основная масса русских, проживающих в Казахстане, видит эту ситуацию совсем по-иному. Из-за того, что русскому языку был придан не статус второго государственного языка, а лишь статус языка межнационального общения, русские восприняли этот закон как поражение, которое трудно осилить психологически [26, с. 56]. Все это, безусловно, влияет, как на оценку русскими своего положения в Казахстане, так и на их самосознание.

Следует отметить, что этнологический статус русских в Казахстане и некоторых других постсоветских государствах еще нуждается в уточнении. Так, в работе Д.Х. Акановой и ее соавторов русские фигурируют в качестве диаспоры наряду с такими, как, например, белорусская, корейская, немецкая и др. [27, с. 332]. Нам представляется, что хотя русские по чисто формальным критери-

ям, которые обычно входят в определение “диаспоры”, ему в основном соответствуют, все-таки это некая особая диаспора. Причем эта “особость” определяется именно языковым признаком. Возникает вопрос, можно ли назвать диаспорой этническое сообщество, язык которого обладает следующими характеристиками: 1) им владеет и активно пользуется в различных, включая самые престижные, сферах подавляющее большинство граждан страны проживания диаспоры, в том числе, представителей титульного этноса; 2) его официальный статус закреплен законодательными актами?

Существует и еще один, чисто психологический момент, связанный с тем, что территория современного Казахстана заселялась русскими в течение 200 лет. Это привело к тому, что у них никогда не было чувства принадлежности к единой общности, они никогда не осознавали себя в качестве русских Казахстана, а только как колонистов царской империи, ссыльных советских граждан или, позднее, целинников, которые, подняв целину, вернутся в родные российские города и села. В результате они до сих пор не нашли своей идентичности, не могут осознать себя в качестве единой группы и в этом смысле не являются сплоченной диаспорой, наподобие уйгурской, чеченской, ингушской и т.п. [28].

Интересные данные были получены в результате социологического опроса, проведенного, правда, около 15 лет назад. На вопрос, что значит для респондентов “быть русским”, были получены следующие ответы: 1. Жить в России – 21,9%; 2. Говорить на русском языке – 53,1%; 3. Жить русской культурой – 68,8%; 4. Исповедовать православие – 37,5%; 5. Быть представителем России в другой стране – 9,4% [29, с. 47]. По данным того же автора, у русских Казахстана наблюдается тесная внутренняя взаимосвязь с Россией. Так, при ответе на вопрос, “что Вас больше всего эмоционально задевает?”, 53,2% респондентов ответили, “когда оскорбляют Россию в целом”. Таким образом, можно говорить о чрезвычайно тесной связи этой группы с русским языком, культурой и самой Россией. Конечно, за полтора десятилетия жизни в новых условиях сознание русских претерпело определенные изменения. По мнению Е.Г. Свинчуковой, тот факт, что уже в 1989 г. 67% казахстанских русских были родом из Казахстана (сейчас, по-видимому, это число намного выше. – Т.К.), позволяет предположить, что многие из них, явно того не ведая и помимо своей воли, адаптировались в казахском окружении. Можно ожидать поэтому, что казахстанские русские начнут реагировать на свой опыт “инородцев” развитием

собственного чувства групповой идентичности, отличающего их от русских в России [26, с. 69].

Что же касается самого русского языка в Казахстане, то здесь наблюдается примерно та же картина, что и в Белоруссии. В него проникает определенное количество заимствований из казахского языка. Однако, по мнению В.С. Ли, в настоящее время нельзя говорить о резком изменении в русском языке как таковом, которые затрагивали бы кодовые, системоорганизующие основы языка [4]. Исследование языкового сознания русских, проживающих в Казахстане, проведенное С.Г. Свинчуковой, показало, что за последние 20 лет языковое сознание русских в Казахстане претерпело значительно меньшие изменения, чем языковое сознание русских в России. Первое в определенной степени сохранило образы языкового сознания на уровне советского времени. Базовые компоненты русской языковой картины мира отличаются стабильностью, но наблюдаются и элементы влияния казахской картины мира, которые, однако, занимают периферийное положение [26, с. 192–193]. Эти выводы легко соотнести с особенностями лексического состава языка русских, проживающих в Казахстане.

Лингвисты Казахстана по-разному квалифицируют социалингвистический статус русского языка в республике. Так, В.С. Ли пишет: “Несмотря на то, что изменения в политической, социальной сфере привели к изменению русского коммуникативно-языкового пространства в мире и Казахстане, они не привели к изменению лингвистического статуса русского языка в Казахстане, тем более, к появлению какого-то особого, нового варианта русского языка в нынешних странах СНГ” [4, с. 41]. Кардинально иной точки зрения придерживается Е.А. Журавлева, которая считает, “современный русский литературный язык является полинациональным языком и имеет свои национальные варианты, в частности, казахстанский вариант русского языка” [2, с. 37]. При этом, аргументируя свою позицию, она перечисляет такие характеристики русского языка в Казахстане, как его юридический статус и широкое присутствие в различных сферах общения. Но при этом игнорирует такой принципиально важный параметр, как наличие у варианта кодифицированной нормы. Обходится стороной и вопрос о субъективном факторе – языковом самосознании носителей русского языка в Казахстане. Кроме того, в качестве аргумента в пользу признания существования казахстанского варианта русского языка приводится использование русского языка в качестве второго родного или языка межнационального общения инонациональным населением. Разработчики

концепции национальных вариантов языка постоянно подчеркивали, что этим термином может обозначаться только родной язык [30]. Кстати сказать, словосочетание “второй родной язык” явно переключалось из советского прошлого. Но и тогда оно носило явно выраженный публицистический характер и не могло считаться термином.

Киргизия. В 2011 г. русские составляли около 6% населения Киргизии. В 2009 г. их было около 7%, а двадцать лет назад – 21% [31]. Таким образом, количество русских в республике стремительно сокращается. В настоящее время русские компактно проживают лишь в Бишкеке и нескольких северных городах республики [32, с. 383]. По некоторым оценкам, если этот процесс будет идти с той же интенсивностью, то через 7–8 лет русских в Киргизии практически не останется. Более того, интенсивно выезжают в Россию на постоянное жительство и киргизы, хорошо владеющие русским языком [33, с. 364]. Данные о количестве активно владеющих русским языком разнятся. Портал “Грамота.Ру” приводит по 2004 г. цифру 30%. По оценкам Демоскопа, в 2005 г. 78% населения владело и активно пользовалось русским языком, в 2009 г. русский признавали родным 9% населения, вторым – 39,9%. Исследователи отмечают, что на юге страны русский уже становится редким языком, основная часть населения говорит там на киргизском и узбекском языках [34, с. 166].

Русский язык имеет статус официального языка, а киргизский – государственного. По мнению исследователей, никаких принципиальных различий в коммуникативных назначениях этих языков в законодательных актах не обнаруживается.

В настоящее время русский язык используется в Киргизии во всех коммуникативных сферах, включая административно-управленческую и научную [33, с. 377–378]. Все высшее профессиональное образование республики функционирует на русском языке [34, с. 168]. Однако, как считает З.К. Дербишева, сохранение позиций русского языка в качестве языка официально-делового администрирования в центральных органах государственного управления, в министерствах и ведомствах объясняется тем, что нынешнее поколение чиновников в подавляющем большинстве является русскоязычным, им легче и привычнее использовать русский язык. Новое же, молодое поколение формируется преимущественно как киргизскоязычное. Оно идет на смену нынешнему. Ситуация складывается таким образом, что уже в ближайшем будущем государственные учреждения перейдут на киргизский язык. Хотя

в республике широко представлены как российские, так и местные средства массовой информации на русском языке, постоянно идет сокращение аудитории, которая умеет читать периодику на русском языке и воспринимать русскоязычные радио- и телепередачи. По мнению того же автора, сферы, где позиции русского языка наиболее устойчивы, – это наука и образование.

З.К. Дербишева полагает, что сложившаяся языковая ситуация, несмотря на официальный статус русского языка, внесла свои коррективы в процесс функционирования русского языка. Прежде всего, это связано с перемещением векторов в языковых контактах: в речи русских можно отметить явления интерференции и сознательно-го интеркалирования речи киргизскими вкраплениями [32, с. 383]. В результате в русский язык входит все большее число лексических заимствований из киргизского языка.

Что же касается социолингвистического статуса русского языка в республике, то З.К. Дербишева считает, что речь в настоящее время идет о существовании регионального варианта литературного языка.

Из сказанного с очевидностью следует, что в настоящее время варианты русского языка, функционирующие в Белоруссии, Казахстане и Киргизии, не могут квалифицироваться как национальные варианты языка, поскольку они соответствуют лишь первым трем из перечисленных выше критериев. Но они не осознаются носителями языка в качестве особых, отличных от русского языка в России, идиомов и не являются средством национальной самоидентификации. Кроме того, очевидно, что они не имеют кодифицированной нормы. Таким образом, пока они не удовлетворяют четвертому и пятому критериям.

По высказанным нами выше соображениям они не могут рассматриваться в качестве языков диаспоры или, тем более, островных языков, которые, собственно говоря, являются частным случаем языков диаспор³.

³ Под островными языками обычно понимаются варианты языка, функционирующие на территории нескольких государственных образований, для которых характерно: 1) наличие значительного числа носителей; 2) социальная гомогенность и закрытость языковой общности; 3) наличие особого самосознания принадлежности к данной общности; 4) постоянная связь с литературным языком, функционирующим на территории проживания основной массы носителей языка [35, с. 495]. Островные языки, как правило, в повседневной жизни носителей языка функционируют в виде диалекта, испытывают сильное влияние инонационального официального или государственного языка, для их носителей характерен субординативный билингвизм [36, с. 908].

Прежде чем высказать наши собственные суждения по поводу статуса русского языка в перечисленных странах, укажем, что еще в советский период русский язык был подвержен определенной территориальной дифференциации, что естественно для языка, распространенного на столь обширном пространстве. Причем во второй половине XX в. чистые диалекты постепенно становились периферийными компонентами языковой ситуации, уступая место так называемым полудиалектам, сельскому просторечию и региолектам (под последними понимается речь жителей небольших и средних городов одного региона, находящихся в окружении местных диалектов [37]). Наряду с этим, определенной спецификой характеризовалась и речь русских, проживавших в союзных и автономных республиках. На наш взгляд, идиомы, которыми они пользовались, можно с полным основанием отнести к региолектам. Они были распространены, прежде всего, в городах, поскольку русскоязычное население было сосредоточено именно в них, выполняли те же функции и отличались от языковых образований, представленных в русскоязычной части страны лишь источниками пополнения. В настоящее время все чаще говорят и о территориально обусловленном варьировании литературной нормы. “Исследования последних лет, – пишет в этой связи Л.П. Крысин, – убедительно показали, что русский литературный язык существует в определенных локальных вариантах, характеризующих главным образом фонетику, акцентуацию, интонацию, а также словоизменение и лексику” [38, с. 6]. В союзных и автономных республиках СССР определенное дополнительное влияние, особенно на лексический состав русского литературного языка оказывали местные языки. Произведения местных русскоязычных писателей были насыщены регионализмами [39, с. 18–22].

Очевидно, что после распада страны региолекты и локальные варианты русского литературного языка продолжали функционировать в странах нового зарубежья. В условиях расширения социальных функций титульных языков их влияние на русский язык усиливается, но в настоящее время трудно говорить о каких-то принципиально новых процессах. Другой вопрос, что по-прежнему именовать данные варианты языка “региолектами” несколько некорректно, поскольку они функционируют в самостоятельных государствах. Б.Ю. Норман вводит обозначение “нациолект”, правда, не проводя разграничения с термином “национальный вариант языка” и не обсуждая проблему нормирования [23]. Это наименование имеет определенные недостатки, как, впрочем, и

термин “национальный вариант языка”. Дело в том, что последний был создан для обозначения феноменов, представленных в зарубежных странах, где слово “национальный” обозначает, в первую очередь, не этническую, а государственную принадлежность. С этим сталкивался каждый, кто заполнял анкету на английском, немецком, французском и т.д. языках. В графе “национальность” следует указывать гражданство. В русском же языке ближайшим значением слова “национальный”, безусловно, является “относящийся к какой-либо нации, народности”. Очевидно, что все жители США считают себя американцами, а Австрии – австрийцами. Поэтому естественно называть варианты языков, которыми они пользуются, национальными вариантами, соответственно, английского и немецкого языков. Русские же, проживающие в любой бывшей республике СССР, без всяких сомнений считают себя русскими. Поэтому всякие названия идиомов с компонентом “национальный” для обозначения их родного языка являются ложномотивирующими. Они наводят на мысль о вариантах русского языка, которые употребляются иными, чем русские, национальными коллективами⁴.

С. Дель Гаудио, обсуждая вариативность русского языка на Украине⁵, вводит обозначение “этноязык”. Оно, в принципе, имеет те же недостатки, что и “нациолект” с той лишь разницей, что компонент “этно-” в отличие от “нацио-” вообще не допускает иного толкования, нежели этническая принадлежность. Автор противопоставляет этноязык (украинский вариант русского языка) российскому варианту русского языка или стан-

дартному русскому языку, не проводя при этом четкого разграничения между вариантом русского языка, на котором говорят на Украине индивиды, для которых русский язык является родным, и вариантом, который используют хорошо владеющие русским языком билингвы [40]. Надо сказать, что этим грешат многие исследователи. Кроме упомянутой выше работы Е.А. Журавлевой, можно указать на работы В.С. Ли, З.К. Дербишевой и других авторов, которые, говоря об особенностях русского языка в различных постсоветских государствах, приводят многочисленные примеры так называемой “смешанной речи”, не называя родной язык ее продуцентов. Правда, ни В.С. Ли, ни З.К. Дербишева не являются сторонниками концепции существования на постсоветском пространстве национальных вариантов русского языка, а указанное разграничение является принципиально важным именно при выделении таких вариантов.

Нам представляется, что варианты русского языка, которые функционируют в настоящее время в Белоруссии, Казахстане и Киргизии, можно было бы назвать *статолектами*. Внутренняя форма этого термина достаточно прозрачна, при этом второй компонент удачно вписывает его в традиционный ряд обозначений неcodифицированных вариантов языка – *диалект, региолект, социолект*. Следует отметить, что термин *статолект* достаточно широко распространен в романистике. При этом под *статолектом* понимаются варианты стандартного (т.е. codифицированного. – Т.К.) языка, распространенного в разных государствах [41, с. 55], т.е. в терминологии А.И. Домашнева, Г.В. Степанова, А.Д. Швейцера и других российских авторов это национальные варианты литературного языка. Однако в российской лингвистической литературе, за исключением некоторых работ, посвященных описанию языковых ситуаций в романских странах, этот термин практически не употребляется. Не приведен он ни в “Лингвистическом энциклопедическом словаре”, ни в “Словаре социолингвистических терминов” под ред. В.Ю. Михальченко. Учитывая такое свойство термина, как возможность при постоянстве языкового знака изменения его дефиниции [42, с. 81], такая трансформация термина кажется нам вполне допустимой. В связи со сказанным не вполне адекватным представляется и термин *полинациональный язык*. Возможно, в отношении русского языка более уместен термин *плюрицентрический язык*, введенный в свое время Г. Клоссом и употребляемый им по существу в качестве синонима *полинационального языка* [10].

Что будет с этими статолектами в дальнейшем? Превратятся ли они в полные аналоги нацио-

⁴ Следует отметить, что именно в этом значении словосочетание “национальные варианты русского языка” употреблялось в советское время. В 70-е годы прошлого века в научной среде шли довольно интенсивные дискуссии об “узаконивании” национальных вариантов русского языка, т.е. придании им в сегодняшних формулировках codифицированного статуса (речь шла, прежде всего, об орфоэпической норме). Ведущие социолингвисты и русисты того времени, такие, например, как Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко, резко выступали против такой возможности. Это было вполне логично и оправданно. Русский язык, хотя и не имел статуса государственного, но по существу таковым являлся, и естественно было распространять на территории единой страны единый стандарт развитого литературного языка.

⁵ На Украине русский язык не имеет юридически закреплённого статуса официального или государственного языка, и вопрос о его социолингвистическом статусе в этом и ряде других постсоветских государств будет рассмотрен несколько позже. Однако мы нарушаем здесь последовательность изложения, поскольку хотим обсудить всю совокупность обозначений, используемых для именования вариантов русского языка, функционирующих за пределами России.

нальных вариантов английского, немецкого и т.д. языков? Естественно, что все наши дальнейшие рассуждения носят гипотетический характер. Как было показано выше, пока носители русского языка в Белоруссии, Казахстане и Киргизии не осознают особость своего языка по сравнению с языком русских, проживающих в России. Определяется это в первую очередь тем, что их этническая самоидентификация превалирует над такой характеристикой, как гражданство, а также тесной психологической связью с Россией. Что произойдет с их самоидентификацией в дальнейшем – это вопрос, на который могут компетентно ответить социологи и этнологи. Но нам представляется, что, так сказать, “самоосознаться” (мы не употребляем термин “самоопределиться”, поскольку он имеет, прежде всего, юридическое значение) смогут лишь русские, проживающие в Казахстане. Да и то после последних политических событий (образования Таможенного союза) и нарастания интегративных тенденций во взаимоотношениях России и Казахстана вероятность этого процесса уменьшилась.

Обратимся теперь к проблеме нормирования. Здесь необходимо отметить, что все известные национальные варианты европейских языков складывались и формировались практически вместе с процессом сложения и утверждения кодифицированных норм литературного языка [36, с. 911–912]. Дивергенция же русского языка идет в условиях существования кодифицированной нормы, которой владеют и русские, проживающие в новом зарубежье, поскольку они учились или учатся в настоящее время в русскоязычных школах. При этом, как мы уже отмечали, ссылаясь на местных исследователей, состояние этой нормы даже более стабильно, чем в России. Вопрос о том, насколько быстро может измениться норма, является достаточно непростым. Обычно норма литературного языка складывается в течение очень длительного времени. Но в современном мире многие процессы идут значительно быстрее, чем раньше. Кроме того, на норму русского языка в государствах постсоветского пространства воздействует несколько разнонаправленных факторов. Вопрос в том, какие из них окажутся сильнее. Среди этих факторов важнейшими, на наш взгляд, являются следующие:

1. Русские, проживающие в упомянутых странах, имеют тесные контакты с Россией, в полной мере приобщены к российским средствам массовой коммуникации, литературе, выходящей в России, и т.д. Все это должно в определенной степени тормозить дивергентные процессы.

2. Сама норма русского языка в России находится в весьма расшатанном состоянии, чему, кстати сказать, в немалой степени способствуют упомянутые средства массовой коммуникации, включая Интернет. Такое состояние нормы облегчает проникновение разного рода новаций, которые со временем могут быть кодифицированы. Но здесь может возникнуть достаточно нетривиальная ситуация. Поскольку в настоящее время вне России норма русского языка более стабильна, чем внутри, со временем изменится именно российская норма, а зарубежная окажется более консервативной, и дивергенция осуществится в этом неожиданном направлении.

3. Носители русского литературного языка в России зачастую проявляют излишнюю толерантность к воздействию на русский язык извне. Видимо из соображений политкорректности в официальном словоупотреблении вошли такие новации, совершенно противоречащие орфографическим нормам русского языка, как *Беларусь* и *Кыргызстан* (интересно, что такую форму написания этих государств уже не исправляет компьютерная программа). Нередко даже в лингвистических работах можно встретить *кыргызский язык* (правда, это название мой компьютер еще подчеркивает красным!). В современных текстах, пожалуй, чаще встретишь *в Украине*, чем *на Украине*. Таких примеров пока не так много, но тенденция уже видна. Как это ни парадоксально, но такая “гибкость” русского языка затрудняет образование национальных вариантов – им трудно оторваться от языка-источника.

Но даже если на территории какого-либо государства сложится и языковая общность, осознающая свою “особость” и “отдельность” от русских, проживающих в России, и вариант русского языка, достаточно устойчивый и распространенный для того, чтобы претендовать на получение нормативного статуса, возникает вопрос, кто будет кодифицировать новую норму. Право утверждать нормы литературного языка, а также вносить в них изменения и дополнения, делегировано и в России, и в других странах национальным академиям [43, с. 50]. Но страны нового зарубежья, что совершенно естественно в существующей языковой ситуации, гораздо больше озабочены расширением функций языков титульных этносов, их описанием и кодификацией, чем кодификацией вариантов русского языка, представленных на их территориях.

Существует и еще одна проблема. Как будет происходить процесс кодификации, даже если возникнут структуры, которые возьмут на себя

труд этим заниматься? В государствах, где проживает большое число русскоязычных граждан, расселенных на обширных территориях, русский язык, по-видимому, также подвержен определенной дифференциации. Так, например, фонетические особенности речи, о которых часто говорят сторонники существования национальных вариантов русского языка, обычно формируются под влиянием произносительной специфики вариантов родного языка, используемого местным населением. А эти варианты в разных частях страны могут существенно отличаться друг от друга. И это определяет возникновение разного рода субвариантов русского языка. Какой из них будет положен в основу национального варианта русского литературного языка? По каким принципам он будет выбираться? Захотят ли им пользоваться все русскоязычные граждане данной страны? И, наконец, кто и как закрепит его легитимность? Как мы видим, пока в данной сфере вопросов больше, чем ответов.

Теперь обратимся к странам нового зарубежья, где русский язык не имеет официального статуса. Очевидно, что квалифицироваться в качестве национального варианта ни в одной из этих стран он не может. Более того, для этого нет предпосылок и в будущем, по крайней мере, до тех пор, пока он не получит юридического статуса, что для большинства этих стран маловероятно. В то же время его вряд ли можно рассматривать и как островной язык. Носители русского языка обычно проживают в крупных городах, имеют достаточно высокий уровень образования, расселены дисперсно, используют в повседневной жизни разговорную форму русского литературного языка и в массе являются монолингвами. Таким образом, не вызывает сомнений, что бытование русского языка в этих странах и соответственно его социолингвистический статус коренным образом отличаются, например, от функционирования русского языка старообрядцев, проживающих в Южной Америке, где он действительно является в полном смысле островным языком.

На наш взгляд, в настоящее время варианты русского языка, представленные в обсуждаемых странах, мало отличаются от вариантов, функционирующих в государствах, где русский язык имеет официальный статус, поэтому их с полным правом можно именовать статолектами. Что будет с ними в дальнейшем, во многом зависит от социально-политической ситуации в этих странах, отношения государства к русскоязычному населению и русскому языку, интенсивности миграционных процессов, взаимоотношений этих государств с Россией.

В заключение отметим, что в постоянно меняющемся мире возникают все новые лингвистические и социолингвистические явления. В частности, это относится и к русскому языку. С одной стороны, функционирование языка одновременно в нескольких государствах – явление достаточно распространенное и исследованное в специальной литературе. Но, с другой стороны, ситуация с русским языком весьма специфична в том отношении, что даже в государствах, где он имеет официально признанный статус, русский язык сосуществует с *титульным языком*, т.е. является как бы идиомом несколько иного разряда. С этим, на наш взгляд, связаны основные теоретические и терминологические трудности, которые возникают при определении социолингвистического статуса вариантов русского языка, представленных в странах нового зарубежья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рудяков А.Н. Георусистика и национальные варианты русского языка // Журнал "Культура народов Причерноморья". Симферополь, 2009. № 168. Т. 1.
2. Журавлева Е.А. Вариативность как основной признак мировых языков // Георусистика. Первое приращение. Симферополь: Антиква, 2010.
3. Рудяков А.Н. Украинский вариант русского языка: мифы и реальность // Газета "Республика Крым", 30.10. 2008.
4. Ли В.С. О лингвистическом статусе русского языка в Казахстане (к вопросу о языковых культурах и языковых субкультурах) // Язык и общество в современной России и других странах. М.: Тезаурус, 2010.
5. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах // Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005.
6. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. М.: Высшая школа, 1971.
7. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.
8. Реферовская Е.Л. Французский язык в Канаде. Л., 1972.
9. Брозевич Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. 1967. № 1.
10. Kloss H. Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800. Düsseldorf, 1978.
11. Домашнев А.И., Кончук Л.Б. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи // Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб.: Наука, 2005.

12. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970.
13. *Andersson S.-G.* Deutsche Standardsprache – drei oder vier Varianten? // *Muttersprache*. 1983. Н. 5/6.
14. *Крючкова Т.Б.* Еще раз о соотношении язык/диалект // *Миноритарные языки Евразии в условиях регионализации и глобализации*. М.: Институт языкознания РАН, 2008.
15. *Эдельман Д.И.* К проблеме “язык” или “диалект” в условиях отсутствия письменности // *Теоретические основы классификации языков мира*. М.: Наука, 1980.
16. *Домашнев А.И.* Основные характеристики понятия “национальный вариант литературного языка” // *Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике*. СПб.: Наука, 2005.
17. *Домашнев А.И.* Об одном типе отношений “система-норма-вариант” в социолингвистике // *Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике*. СПб.: Наука, 2005.
18. *Дель Гаудио С.* Об украинском варианте русского языка: спорные вопросы // *Георусистика. Первое приближение*. Симферополь: Антикава, 2010.
19. *Плужникова Т.И.* К вопросу о национальных вариантах языка // *Георусистика. Первое приближение*. Симферополь: Антикава, 2010.
20. <http://www.gramota.ru>
21. *Маслова В.А., Муратова Е.Ю.* Русский язык в Республике Беларусь: лингвокультурный и социокультурный аспекты // *Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии*. М.: Азбуковник, 2010.
22. <http://www.belta.by>
23. *Норман Б.Ю.* О лексико-семантических сдвигах в белорусском варианте русского языка // *Проблемы лексической семантики. Тезисы докладов. Девятые Шмелевские чтения*. М., 2010.
24. *Дорофеев Ю.В.* О национальной негомогенности русского языка в современном мире // *Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии*. М.: Азбуковник, 2010.
25. <http://kz.etnology.ru/win/rus-now.htm/>
26. *Свинчукова Е.Г.* Языковая картина мира русской диаспоры в Казахстане. Дисс. канд. филол. наук. М., 2011.
27. *Аканова Д.Х., Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж.* Языковая ситуация и опыт языкового планирования в Казахстане // *Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии*. М.: Азбуковник, 2010.
28. <http://www.achipelag.ru/ru.mir/rm-diaspor/russ/russkie-kazahstana>
29. *Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. М., 1995.
30. *Ярцева В.Н.* Развитие национального английского литературного языка. М.: Наука, 1969.
31. www.rosbalt.ru 21/01/2011.
32. *Дербишева З.К.* Русский язык в Кыргызстане // *Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии*. М.: Азбуковник, 2010.
33. *Орусбаев А.* Языковая ситуация в Кыргызстане // *Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии*. М.: Азбуковник, 2010.
34. *Дербишева З.К.* Коммуникативный и когнитивный потенциал языков Кыргызстана // *Язык и общество в современной России и других странах*. М.: Тезаурус, 2010.
35. *Wiesinger P.* Deutsche Sprachinseln // *Lexikon der Germanistischen Linguistik*. Tübingen, 1980.
36. *Домашнев А.И.* Основные черты полинациональных языков // *Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике*. СПб.: Наука, 2005.
37. *Герд А.С.* Диалект – региолект – просторечие // *Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции*. М., 1998.
38. *Крысин Л.П.* Вариативность нормы как естественное свойство литературного языка // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Т. 70. 2011. № 4.
39. *Орешкина М.В.* Тюркские слова в современном русском языке. Проблемы освоения. М.: “Academia”, 1994.
40. *Дель Гаудио С.* О вариативности русского языка на Украине // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. Т. 70. 2011. № 2.
41. *Нарумов Б.П.* Основные особенности языка романской стандартологии // *Формы дифференциации языка в зеркале национальных терминологических традиций*. М., 2002.
42. *Даниленко В.П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
43. *Демьянков В.З.* О стратегиях нормирования русского литературного языка // *Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира*. К 90-летию со дня рождения академика И.Ф. Протченко. М.: Институт языкознания, 2008.